

12+

Эпони́на Звездная

Повести безымянных

сборник историй

Эпониная Звездная

Повести безымянных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56996546

SelfPub; 2020

Аннотация

Собрание очерков о городской магии и об одиноких душах, теряющихся в каменных джунглях. Сквозь старые многоэтажные дома до самых холодных уголков мира в поисках света маяка, осветившего мрачные души.

Содержание

танцуй	4
Маяк	7
Улыбнись!	8
«Лето и Осень»	9
И ещё одной ночи не хватит	11
Осень!	15
Старый пекарь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

танцуй

Дождь бил по серому асфальту, крыши домов растворялись в тумане. Свет фонарей тускнел в этот дождливый вечер, когда скорее хотелось скрыться под чем-то и как можно скорее добраться до дома. Так, один за другим загорали огни в домах. Огни теплые, необычные, выделяющийся в этой сером бетонном лесу. Едва ли через капли дождя можно было бы заметить, что делали хозяйева квартир.

За гранью стоял гул, что сложно услышать самого себя, не говоря уже о реальных собеседниках. Холодные огни фар врезались в глаза, отчего хотелось зажмуриться и не открывать их больше.

Долго ли она наблюдала за сменяющимися цветами вокруг: за красным автобусом, за зелёным троллейбусом, за неоновыми вывесками, что так ярко выражались среди мутного изображения мира.

Не зная ни сна, ни тишины, девушка стояла поодаль от автобусной остановки, держа в одной руке белые наушники, в другой промокшие кеды. Взгляды, что неосторожно замечали шатенку, были направлены на босые ноги и летнее платье с мелкими динозаврами. Платье, словом, подчеркивало неидеальные контуры её тела.

Но среди капли дождя никто не заметил слезы боли, происхождение которого уходило куда-то глубоко в душу. Слов-

но уверив в то, что музыка её единственное спасение, она одела наушники.

И боль глубоко внутри утихала, и улыбка сама собой появлялась на лице, и ноги сами шли в пляс. Ничего постыдного она не видела в том, чтобы ринуться танцевать по середине улицы, под дождем, босиком.

В начале это всегда пару движений ногой на месте, потом подключались руки и вот к середине песни она кружилась от беспечности. Удар ногой по тротуару, и вместо бетонных плит голубая морская вода. Махнула рукой – серые леса сменились открытым ночным небом. Хаотичные движения, что она видела там и тут. Неумело, может быть, неуклюже, но в этом танце главная звезда она. Разыгралась и оплескала прохожего водой из лужицы. Крики, ворчание и извинения со стороны шатенки. Но ни одно оскорбление в её сторону не пробило музыку, что защищала её.

Пусть зациклено звучала одна песня уже какой день. Ещё не въелась в мозг, не выжгла рану в сердце и не несёт в себе ничего кроме танца под дождем в сегодняшний летний вечер.

А песня прошла уже шестой круг, но девушка продолжала танцевать под неё, описывая то пируэты, то просто ускоряясь, то замедляясь. Сейчас была она, улица и был дождь, которому словно не было конца. И уже улица казалась ей пустой. Остановившись, девушка закрыла глаза и забыла обо всем. Мелькнули леса, пустые дороги и закаты. Мелькнула

и тень, что поселилась в её душе три месяца назад. Она помотала головой, вспомнила запах моря, хвои и цветов в лесу бабушки. Вспомнился и запах крови. «Открывай глаза», – раздался чей-то голос, перед тем, как кто-то с ней столкнулся.

Наушники выпали. Посыпались обвинения, раздался протяжённый гудок несколько автобусов одновременно. Среди серии красных общественных транспортов стоял автобус с нужным номером. Подобрал наушники, она вбежала в транспорт. Двери закрылись, она продолжала смотреть на остановку, словно в нем что-то промелькнуло. И вот шум стих, и автобус отъехал дальше, но что-то захватило её взгляд на красных дверях.

– Девушка, оплачивайте проезд, – произнес кондуктор.

– А? Конечно, сейчас, – очнулась шатенка, потянувшись к сумке за мелочью.

Маяк

Хотела бы я жить на маяке,
Что брошен на краю света.
Омываемый черным морем,
Он стоял там третий десяток.
Освещая путь сотни кораблям,
Горел каждую ночь.
Я стану новым зрителем,
Я стану разжигать огонь вновь и вновь.
Я не моряк, но море мой второй дом.
Я и маяк,
Ночь и море.
Освещая край, где кончается свет,
Маяк отстоит ещё ни один век.
Не будет забыт он и я.
Горит жизнь, значит горит маяк

Улыбнись!

Пусть от улыбки щеки горят,
Пусть улыбка твоя свет и добро несёт.
Не унывай и не грусти по пустякам!
Улыбка будет опорой твоей,
Станет щитом от боли и горечи разочарования.
Улыбнись!
Не держи зла на людей,
Не обижайся на их необдуманные слова.
Лови прелести момент.
Живи и наслаждайся, не зная преград.
Неси радость и любовь.
Не скрывай тепло своего сердца,
Держись за улыбку и осени свободу.

«Лето и Осень»

В этом доме жили четверо: каждый сменял другого раз в три месяца. На последних неделях предыдущий наставлял будущего, готовя дом к новому хозяину.

Лето вчера покинуло дом, отдав свой пост Осени и пообещав, что вернётся чуть позже. Небрежно наблюдая, как та сменяет её, он молчал, зная о неизбежности перемен в доме.

Осень надвигалась неосторожно уже давно. Казалось, вот вчера трава была зелёной, листва на дереве шуршала. А сегодня закаты тихо уходят за желтеющие массивы лесов. Цветы склоняются к своим высохшим собратьям.

Тяжёлым выдались последние недели для Лета. Удержать в руках тепло и нежные ветра комочки было практически нереально. Слегка заболев, он уступил своё место Осени. Она с полки уронила дожди и впустила в дом холодные ветра, в надежде достать банку с подсолнухами и одуванчиками.

Две недели назад она опустошила мои вишневый деревья. Первые вздохи и первые шаги в старом доме.

Одним взмахом руки начали пустеть широкие пшеничные поля. В огородах убирались овощи и последние фрукты. Так, в дом Осень внесла несколько ярко-оранжевых тыковок для пирога, которым она угощает в всех своих гостей.

Медленно и умело она каждый день окрашивает листья деревьев столь незаметно для людских глаз, что результат её

работы виден лишь через несколько недель.

Лето выдохнул вчера с последним лучом солнца, оставив дом на судьбу других до следующего года.

И ещё одной ночи не хватит

Её поцелуй вкуса дикой полыни и спелого апельсина. Горький, но в тоже время сладкий.

Она, словно запретный плод, который он не должен был срывать.

Её светлая кожа, словно мрамор. Она не рвалась распахнуть двери солнечному свету, закрывая плотно занавески. Её светлые локоны не выжжены на солнце. Однако даже так они излучали светом луны и солнца.

Зелёные глаза такие же, как и у тебя, пылали изумрудом. Но не было в них надежды и веры, лишь молчание и сочувствие.

Её чувства уходили глубоко в твою душу. Она знала о твоих мыслях, о твоих желаниях, о твоих чувствах к ней.

Она нежно улыбалась в свете неона. Фиолетовые и зелёные цвета растекались по её коже, словно акварель.

Она крепко держала тебя в своих объятиях вновь и вновь, словно это был ваш последний день.

От неё всегда пахло персиками и лесом. А в волосах меж локонов в косе цвели крохотные жёлтые хризантемы. Она была здесь, точно также, как и ты.

Она смело шла навстречу смерти, не считаясь с Ней, не размениваясь приветствиями и прощаниями. Она говорила Ей: «Не сегодня», вновь и вновь обманывая её.

Она бралась за лук и колчан со стрелами, лишь в самых крайних случаях, лишь из благих намерений. Она держала обещание, что дала тебе. В чем-то вы с ней были похожи, знаешь ли.

Её молчание было её опорой. Она всегда лишь смотрела в твои глаза, видя в них свои. Было боль. Очень больно понимать, какими же опасны были эти отношения. И в первую очередь для тебя.

Ей было не в новинку осознавать всё до случившегося. Она обходила стороной твоих друзей, хоть и была знакома с ними. Она больше времени проводила в своей квартире днём, а ночью в твоей. Страх её спас. Он же и был её защитником от всего мира.

Она словно дурман, что помутняет твой разум. Своим лишь присутствием она создаёт иной мир: мир лжи и удовольствия. Невзначай она вносит в твою душу капли тьмы, что хранилась в её сердце. Она несла разрушение, которого сторонились как могла. Обманывая себя и тебя.

Ты никогда не говорил ей те три слова, что говорят понастоящему лишь раз за всю жизнь. Казалось, она знала это, к чему нужны были слова?! Ты не до конца так этого и не осознал.

Ночь было её временем, её моментом, её жизнью. При свете луны и неона она казалась живой, настоящей. В глазах виднелся проблеск веры в лучшее. Но за всё время отношений она научилась скрывать от тебя многое, и умело пользо-

валась этим в ту ночь.

Её кожа была холодной. От каждого твоего прикосновения она вздрагивала и морщилась, словно это были удары ножом. Но позже она вошла во вкус, двух трёх касаний ей было уже мало. Хотела больше. Вспомнить ту первую ночь на крыше. Вспомнить те слова, что ты ей сказал тогда. Она хоть и была молчалива, но слова играли огромную роль для неё всегда.

Она обнимала тебя крепче прежнего, прижимала сильнее к сердцу. Каждым своим движением подавала знаки. А ты был слишком одурманен ею. Во рту оставался лишь привкус горькой полыни. От неё несло ветром. Тем, что приносил с собой грозу.

Проводя рукой по твоим светлым локонам, она зарывалась сильнее в тебе. Ты не заметил, как по её лицу скатилась одна другая капля, что блеснула звездой на черном небе.

Ты упустил тот момент, когда она встала раньше тебя. Ты лишь видел пустое остывшее её место и записку на ней. Три слова, который ты никогда не произносил, да и она ими не бросалась во все стороны. Не причин, не следов она не оставила после себя.

Из твоих уст вырвалось лишь холодное, наполненной твоей и её болью имя:

– Миранда...

И ниточка судьбы резко оборвалась на одном тихом и простом слове с другого конца.

– Прости...

Осень!

Холодный и порывистый ветер гнал тучи куда-то на север, закрывая излучающие теплом звёзды. Молодой человек укутался в старый колючий бабушкин шарф, который давно уже не выполнял свою первостепенную функцию, однако подарок даже спустя пять лет продолжал греть его душу, чего порой не хватало ему в осенние дни и ночи. Несчастный шарф был неоднократно порван и заштопан. Столько проблем?! Возьми и замени его более новым шарфом, но совесть не позволяла парню бросить его где-то там и купить новый.

Когда-то давно грустными осенними вечерами, пока шла гроза, склонившись над столом и держа в руке иголку, он зашивал вязанный шарф и случалось это лишь, потому что парень не умел вязать. Сколько раз он прокалывал палец, сколько раз ругался и был на грани выбросить подарок, но всегда в итоге радовался результатом работы. Как не глянь, шарф был его неотъемлемой частью.

Спеша и скрипя зубами от холода, он быстрым темпом шёл домой, порой столь неосторожно наступая на лужицы, блестящие под одинокими фонарями на улице, и не ощущая после дискомфорта. Он никогда не оглядывался по сторонам. Молодой человек не искал что-то новое вокруг себя. И пусть рядом со старыми домами вырастали новые, и пусть недавно густая чаща за этими серыми многоэтажками рече-

ла, и пусть мимо него проходили новые люди, готовые к новым знакомствам, и пусть деревья вдоль дороги покрылись огненно-красными и желтыми листьями, он всегда шел в направлении своего дома, где ютился в маленькой квартире.

Молодой человек никогда не ценил всю осеннюю красоту с её затяжными и бесконечными дождями, с её природой, полыхавшей огнем. Любил он лишь холодную зиму и грозу, которую так напористо предвещал ветер, разнося весть по всей округе от юга до севера. Должно быть гроза будет знатной?!

Невольно посмотрев на небо, он остановился. Темно-синее небо, усыпанное звёздами, и серые, почти черные, облака, что безжалостно закрывали множество далёких солнц. Завораживающая картина, затянувшая молодого человека в свои пучины. «Домой», – разнеслось в его голове, и он продолжил свой путь, всё поправляя своё пальто с одной отсутствующей пуговицей.

Теплый свет фонарей освещали ему путь до конца, до подъезда. Последний раз взглянув на небо, которое всё сильнее напоминало ему об утрате, он толкнул тяжёлую навесную дверь. В их доме как уже третий год не работал домофон, а с тем прекратились и звонки с просьбой открыть дверь. Тишина, тиканье часов и немного песни ветра. Словом, раньше было и мурлыканье кота, но последний пропал год тому назад.

Сквозь старые лестничные пролеты, сквозь рассыпающи-

еся под ногами лестницы и через невыносимую тишину он пришел к своему концу пути, к двери квартиры. Дверь, обитая коричневым кожзамом, открывалась с приятным и родным скрипом. Войдя в квартиру, он услышал первые раскаты молнии, громкие, будто кто-то ударил в барабан под его ухом. Он кинул ключ с фигуркой кота на брелоке куда-то на тумбочку в прихожей. Небрежно, по привычке он снимал свою обувь и бросал её там же при входе. С правым мокрым носком он устало ковылял в гостиную, которая также была спальней.

Дух старины не смог всё ещё выветриться, хоть в комнате и стояла новая мебель. Попытка сохранить старый бабушкин интерьер, казалось, у него не удалась, за что порой он так корил. Не обращая внимания на убранство, он направлялся прямо к дивану, где убитый жизнью лежал пару минут, разглядывая фотографии. Старые фотографии и оставшаяся после его бабушки лампа, что излучала необычный теплый и нежный свет, который мог бы растопить лёд даже в Арктике. Только это побуждало в нем жизнелюбие.

На лице появлялась улыбка, а по щеке стекала неконтролируемая хозяином слеза, блеск которой был схож с сиянием звёзд. А в окно уже стучался гость, отбивая ритм. Каждый раз разный и новый. На стекле формировались капли и крохотным ручейком стекала вниз. Блеск молний наполнял комнату особым светом: холодным и пугающим.

Раздевшись, он вновь принялся штопать свой любимый

шарф, с которым так не хотел прощаться. Невольно однажды молодой человек заметил, что всякий раз, когда он садился за свой стол, чтобы заштопать шарф, за окном начиналась гроза. Как и шарф, гроза была его неотъемлемой частью, по-другой по жизни.

Былой страх перед проявлением природы давно испарился, и парень уже просто наслаждался грозой. Засыпал под её колыбелью, видел в ней часть своей семьи. Гроза, шарф и объединяла всё это квартира. Пусть она и не была такой новой, пусть она была далеко от его работы, ему всегда было приятно возвращаться в небольшое его обиталище, где он не жил по инерции, как было принято, а медленно и задумчиво потягивал черный чай с сахаром, штопал шарф, смотрел на фотографии и не видел конца, который мог ожидать его в любой из дождливых дней...

Старый пекарь

Комнату залил алый свет, которой постепенно подбирался к морщинистому бледному лицу пекаря. Он смотрел на некогда белый потолок, что с годами начал трескаться и осыпаться, весь покрывшись пятнами от потеков. В первые годы одинокой жизни дом медленно разрушался, ведь старику не было дело до какой-то дыры в крыше, разбитых стеклах в некоторых комнатах. Такая отчужденность от всего на свете привела к постоянным потопам в его комнате. Жестяные ведра и тазики не покидали своего места на протяжении полугода.

Медленно и постепенно он вернулся к прежней жизни и открыл пекарню, продолжив дело предков с новой силой. Жизнь уже начала представлялась ему инерции, он спускался и весь день проводил то в небольшой кухоньке, где всегда горела печь, то у кассы в комнате, которая со временем истратила свое прошлое название и обрела новое.

Трещины были везде: на потолке, на стене, оклеенной обоями и всегда при желании в них можно было заметить необычайную, в какой-то мере прекрасную, идеальную форму, сравнимые с узорами на стекле зимой. Однако узоры со стекол ушли из жизни пекаря (особенно холодных зим нынче у них не было, а снег был такой редкостью, что в его существования трудно верилось), а трещины остались, как на-

поминание.

Он ждал, когда летняя утренняя заря коснется его старого лица, словно теплая нежная, любящая рука жены. Это было своего рода традиция. Он начинал свой день с утренней зарей. Словно сказочный феникс, он возрождался с каждым утром. Порой ночами пролет он не мог заснуть, отчего казался больным, усталым, а порой и злым. Однако по-настоящему злого пекаря никто не видел. Серые глаза, что поведали многое, излучали светом. Улыбка согревала душу каждого покупателя. А сколько хороших эмоции было в его выпечке, да в простом ржаном хлебе?

Луч коснулся его подбородка, продолжая подниматься по лицу старика. Губы растянулись в улыбке, и вот он уже готов к новому дню. Пекарь откинул тяжёлое старое и колючее одеяло в сторону.

В доме стояла тишина, прерываемая лишь хождением часов. Минутная стрелка двигалась по циферблату с таким звуком, что он мог слышать её с кухни. Это же не давало ему покоя по ночам. «Да выбрось, ты эти часы», – говорили ему соседи, гости его дома. Да, они ему нередко мешали. Однако привязанность к часам, воспоминаниям душили его в редкие моменты, когда пекарь готов был их выбросить. Но столько теплого и приятного хранили в себе эти старые запылившиеся часы с совой, что и рука не поднималась избавиться от них.

Как сейчас, он помнил, когда и зачем их покупал. С года-

ми особый эффект воспоминаний улетучился, некоторые он просто позабыл, за что не мог себя простить. Эти воспоминания были его ниточкой с семьёй, которой больше нет. Сыновья и дочери выросли и разъехались по другим городам, а отца навестить некому. Однако мужчина не унывал. Он верил, что, хотя бы один из них приедет. Не было важно, что он скажет своему отцу. Лишь бы приехал.

– Лишь бы... – прошептал он хриплым, осипшим голосом. – Иж, старик, совсем в тоску себя вогнал. А ну, взбодришь.

Он слегка ударил себя по щеке: это процедура была привычной для него. Раза два на день он бил себя по лицу, чтобы не унывать. Уныние и одиночество. Вот кто были его настоящими друзьями. С последним он смирился, но с первым пытался бороться. Он вечно напоминал себе, ради чего живёт и продолжает своё дело: для Лили.

Ныне покойная жена пекаря покинула его десять лет назад. Суровый вирус прихватил с собой немало людей в столько небольшом городке как Болонджи. Как бы не сопротивлялась, как бы не верила Лили в медицину, но спасти её так никто не смог. Года уносили любую память о ней. Старик держался ту единственную нить, что у него осталась, крепко, не отпуская. Почему-то он запомнил её волосы пшеничного цвета, и их запах: они пахли миндалем. Эти жизнелюбивые голубые глаза. Самые теплые моменты с ней.

– Где же ты моя, Лили? – задавал он себе этот вопрос каж-

дое утро. А в ответ всегда раздавалась тишина.

Он мирно наблюдал за часами в ожидании пяти часов утра. Когда же минутная стрелка достигла двенадцати, а часовая пяти, пекарь ударил по матрасу и, оттолкнувшись от него, встал. Он выгнулся, будто кошка под его окном. Донесся неприятный звук хруста костей, как напоминание о возрасте.

Комната была идеально чиста, что и не догадаешься, что в этом доме живёт холостяк. Бумаги на столе были уложены в стопку, на полу стояла урна, в которой не было ни единой бумажки. Комнатушка была на чердаке и имела небольшую высоту, но рост старика позволял ему спокойно жить здесь. Через прямоугольное не занавешенное окно виднелись крыши соседних домов. Под ним сидел черный кот, который был, пожалуй, самым частым гостем пекаря.

Посмотрев на кота, старик улыбнулся и подошёл к окну. Открыв его, он впустил питомца. На улице был легкий холодок, который был так по душе мужчине. Он высунул туловище из окна и вздохнул свежего воздуха. Каждый раз он испытывал необычное чувство: свободу. Казалось, он жил один в достаточно большом доме. Тогда почему он не чувствовал эту свободу? Ответа этому он не знал, но он всё пытался дотянуться до солнца, как Икар. Однако крылья обрезаны, а сам он камнем засел в этом доме.

Каким бы одиноким местом не было его жилище, дом — всегда Дом. Он оберегает тебя от внешних врагов. Он согре-

вает тебя и твою душу в самые трудные минуты. Он ждёт тебя каждый день. Дом – это самое родное место на земле. И это понимал старый пекарь, а дети – нет. Отпуская их на волю, он знал, как же пусто и безжизненно звучали слова его сыновей и дочерей.

Он стоял на пороге дома, оперившись на дверную раму. Жена металась вокруг своего старшего сына, без конца спрашивая его, что он взял и не взял, забыл ли он что-нибудь. А парень лишь презрительно вздыхал, не хотя отвечал на вопросы своей матери:

– Я всё взял и ничего не забыл, матушка, – закончил Оливер, поглядывая на наручные часы, которые подарил ему пекарь на его 16-тилетие.

– Ох, Оли, я же любя, – выдохнула маленькая женщина и потянулась поцеловать своего сына, но тот увильнул от её объятий. Жена немного осела и помрачнела.

– Мне не три года, – оправдывался парень. – К тому, я же вернусь домой. Кому-то же нужно продолжать твое дело. Верно?

– Верно, сынок. Верно.

Он же не желал покидать свой родной дом, когда была возможность. Почему же была?! Она и сейчас есть. Старик в любой момент может собрать вещи в чемодан, который так и не использовал, и бросить это место. Вопрос в этом случае всегда стоял иначе: что станет с его Домом, когда его время подойдет к концу?

Ведь никто из детей не сдержал обещаний, никто не вернулся. А пламя надежды, поддерживаемое письмами дочерей, однажды погаснет. Что станет с ним? Он даст волю тем темным мыслям одиночества, вкусит всю горечь жизни и осознание этой боли станет его последним мигом. Но до этого ещё далеко: письма приходят в срок, покупателей меньше не становится, а сосед заглядывает к нему чуть ли не каждый день.

Уже обдумывая свой план на день, старик надевал новый белый накрахмаленный фартук и подбирал новый галстук-бабочку. На миг его мысли заняло разнообразие галстуков и тяжкий выбор бабочки. Пройдясь взглядом по ящику, он остановился на синем в красный горошек галстук-бабочке.

Он спустился по старой скрипучей лестнице, на которой вся былая краска потрескалась. Старик осторожно касался перил, чтобы чисто случайно одна из щепок не вонзилась ему в руку. А ведь раньше по ней бегали детишки, а Лили с гостиней кричала им прекратить беготню, а то кто-то может ушибиться. Они же, конечно, не слушали свою мать, пока не случилось того, о чем их предупреждали. Ступень скрипнула. Мужчина резко остановился. По телу прошла дрожь и похолодало. Воздух в лёгких будто сжался, когда до его уха донесся детские крики и визги.

Призраки прошлого нередко мучили старого пекаря особенно по утрам, особенно на этой лестнице. Грусть вновь за-

хватила старика, но сдаваться он не желал. Мужчина взял себя в руки и продолжил спускаться по проклятой лестнице. С каждым скрипом до него доходили звуки бывшего счастья в этом доме. Несколькими годами ранее лестница скрипела иначе, добрее. А сейчас это напоминал скрежет острых когтей по школьной доске.

Наконец-то преодолев лестницу, он взял в руки трость, которую почему-то оставлял на втором этаже. То ли потому что так ему было удобнее, то ли потому что ступенька под его ногами может выломаться в прогнившем месте, то ли потому что ноги его держали на третьем этаже, а на втором он как по щелчку переключателя в голове начинал хромать на левую ногу. Ему было неприятно и болезненно подниматься по лестнице. Колени ныли, а руки тянулись к перилам, что являлось недопустимым. Где-то на середине пути он всегда осознавал свою ошибку: оставлять трость внизу, однако раз за разом он вновь повторял эту ошибку. С годами это превратилось в петлю.

Он оперся на трость с рукояткой в виде головы льва. Вещица была новой, одна из немногих, во всяком случае. Столь умелую работу с тростью проделал один из его соседей, плотник. Он был примерно того же возраста, что и пекарь. Это способствовало налаживанию отношений между двумя одинокими стариками. Эрнест, плотник, не раз предлагал старику сделать ремонт в доме. Однако, не желая что-либо менять в нем, пекарь держался за дом, как за золото. Всё ста-

рое в его жилище хранила память о родных, которые были далеко от него.

– Ну, и дурак, – говорил ему Эрнест каждый раз, когда они пили чай за небольшим столиком в пекарне.

– Почему же дурак?! Это нормально, когда человек не желает менять что-либо в доме, в своей жизни, – отвечал ему пекарь, оставаясь при своем и доказывая свою правоту.

– Да твой дом скоро развалиться, дружище. Почему ты этого не понимаешь? – ударил по столу Эрнест, оставив небольшую вмятину. Из фарфоровой чашки, оставшейся после смерти жены, пролился чай, а ваза с желтыми цветами чуть не опрокинулась, к счастью, пекарь успел его поймать.

Жёлтые цветы, что стояли в старом фарфоровом кувшине, росли в его саду за домом. Сам он не любил жёлтые хризантемы, но постоянно ставил их на столик. Глядя на них, он всегда вспоминал о своей помощнице на кухне, о жене. Да и цветы он растил только в память о ней.

Старик потянулся к руке плотника, которую после отвел в сторону, и протер пролившийся черный чай. Не любил пекарь, когда его гость бил по бедному столу. Это происходило чуть ли не каждый день, что круглый столик обзавелся трещинами. «Нужно найти скатерть. Ту, что с сиренями», – подумал пекарь.

– Понимаю. Вот приедут сыновья, и сделаю ремонт, – протянул он осевшим голосом. Какая наивность прозвучала в этих словах, что плотник посмотрел на своего одинокого

друга наполненными грустью глазами. Всё внутри Эрнеста сжималось, он не мог подобрать слов. Пекарь жил ради одной единственной надежды встречи со своими детьми. Эта надежда согревала его душу, и не давала старому пекарю окончательно впасть в уныние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.